

БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ ФЕДЕРАЛИЗМА

В.С. Мартьянов

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, доктор политических наук, доцент, директор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, email: martianov@instlaw.uran.ru

Мартьянов В.С. 2024. Благими намерениями федерализма. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 74-91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.06>. EDN: HUBQSL

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00427.

Статья поступила в редакцию: 25.07.2023. Принята к публикации: 21.01.2024

Аннотация. Статья посвящена обоснованию дискуссионного тезиса о том, что федерализм не является автономным типом политического устройства. Федерации трактуются как совокупность конкретных провалов разного генезиса в ходе следования базовому современному сценарию образования унитарной нации-государства с консолидированной (гражданской) политической идентичностью. Исследование выполнено в рамках акторного подхода, трактующего политическую форму федерации как производный результат конфликтного пакта центральной и периферийных элит. В этой методологической перспективе рассмотрена история понятия “федерализм”, проведен сравнительно-исторический анализ мирового федеративного опыта. В результате сформулирован ряд взаимосвязанных авторских выводов. Во-первых, показано, что исходный кантианский проект всемирной федерации государств имеет мало общего с федерализмом, относящимся к описанию внутреннего устройства отдельных обществ. Во-вторых, обоснован вывод, что в современной теории федерализма сложилась пагубная мейнстримная традиция, масштабирующая как нормативный успешный опыт централизующего федерализма США. В-третьих, выделены и проанализированы культурно-исторические особенности становления двух семейств федераций, одно из которых связано с обретением независимости ответвлениями Запада, а другое сформировано более поздними процессами распада колониальных империй Запада и освобождения колоний в Африке и Евразии. В-четвертых, аргументируется, что федеральное политическое устройство на уровне теории было призвано примирить в основе политического проекта Модерна либеральную утопию об универсальной и культурно гомогенной гражданской нации и фактическое, культурное многообразие современных государств, являющееся перманентным источником размывания их политического суверенитета и дифференциации коллективных идентичностей. В-пятых, доказывается, что все производные политические, юридические экономические и иные признаки федерализма обусловлены одной исходной проблемой – легитимацией и последующей институционализацией конфликта центральной элиты и региональных элит, оспаривающих неделимность политического суверенитета и требующих политической автономии. В-шестых, федерализм как изменчивый пакт элит в конкретно-исторических обществах не дает убедительных оснований для своей квалификации в виде автономной политической формы в отношении унитарной нации-государства. Финальный вывод состоит в том, что политический формат федерализма в большинстве государств является долгосрочным способом оформления политического развода культурных общностей, которые не смогли создать общую политическую нацию.

Ключевые слова: федерализм, унитаризм, либерализм, нация-государство, Модерн, конфликт элит, культурная дифференциация, сецессия, право наций на самоопределение, инструментализм.

ОБЗОРНОЕ ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия все более критично переосмысляются общие перспективы и особенности федеративной политической формы, связанные с разделенностью суверенитета, многоуровневыми и противоречивыми бюрократическими институтами, несовпадением принципов децентрализации и демократии, обоснованностью права вето меньшинств при решении общенациональных вопросов, поощрением множественной идентичности и необходимостью постоянного поддержания общегражданской лояльности и т.д. [Knop et al. 1995]. Все большее признание получает методологическая позиция, согласно которой федерализм в конкретно-исторических обществах чаще возникает как вынужденная реакция на политический конфликт, а не исходно оптимальная стратегия, которая может быть только у неразделенной нации с общей политической идентичностью. В этом смысле политический формат федерализма представляет “неоптимальный компромисс, предназначенный для разрешения ситуаций, которые угрожают привести к еще менее привлекательным последствиям” [Feeley, Rubin 2011: 154]. Довольно часто федерализм подается как идеальная политическая форма, выгодная большинству граждан. При этом конкретизировать блага, получаемые большинством граждан именно от федерализма, чаще всего не представляется возможным; скорее это ситуация, в которой большинство готово терпеть преимущества меньшинств, если цена этого неравенства ощущается как терпимая [Riker 1975: 156-158].

Признанный классик федерализма У. Райкер в свое время констатировал, что баланс политических сил в каждой конкретно-исторической федерации имеет большее значение, чем попытки обосновать некие общие принципы федерализма [Riker 1969: 144-145]. В позднейших исследованиях звучат выводы, что принципы федерализма в предшествующих мировых волнах федерализации (крах западной колониальной системы после Второй мировой войны и распад советского блока) слишком поспешно и априорно отождествляли с лучшим состоянием рынка, демократии и государственного управления. Однако подобные авансы оказались скорее федералистскими иллюзиями, чем эмпирически подтверждаемыми и устойчивыми закономерностями [Veramendi 2007]. Ряд исследований показывает, что федерализм может как смягчать, так и обострять этнические противоречия; как способствовать экономическому выравниванию регионов, так и работать на радикализацию неравенства и ограничение мобильности; как расширять, так и свертывать демократическое участие граждан и т.д. Поэтому убедительно обобщать устойчивые федеративные тенденции в современном мире становится все труднее [Brancati 2006; Amoretti, Vermeo 2004].

В подобном контексте апология федерализма как нормативного, универсального способа согласования интересов в многосоставных, культурно дифференцированных обществах вызывает все более обоснованные сомнения. Федерализм почти всегда появляется не как результат свободного демократического самоопределения или взаимовыгодного договора сторон, но как способ смягчения и нивелирования уже сложившихся системных противоречий коллективных политических интересов, не позволяющих создать унитарную нацию. Это зачастую *трагический компромисс*, который возникает в условиях постоянного поиска баланса политического сосуществования большинства с рядом автономных коллективных общностей в диапазоне между лояльным сотрудничеством и стремлением последних к автономии. Соответственно,

конфликтующими субъектами федерализм применяется как инструмент для согласования противоречивых политических интересов, когда часть элит и общества имеет устойчиво иную политическую идентичность. Очевидно, что любая исходная федеративная сделка эволюционирует во времени, вслед за изменением состава субъектов, первоначальных условий и ресурсной базы участников федеративного соглашения. В подобном контексте федерализм как ценность (политическая, экономическая, культурная) – лишь одна из дополнительных интерпретаций этого инструмента в представляемом им поле возможностей для торга сторон. В статье федерализм рассматривается в инструментальной перспективе, связанной с исторической динамикой политических интересов, выражаемых элитами разных уровней. Его ценностно-нормативное значение для субъектов и наблюдателей федеративного процесса по возможности выносится за скобки.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: ФЕДЕРАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СДЕЛКА ЭЛИТ

Мировая индустрия междисциплинарного научного знания о федерализме базируется преимущественно на довольно спорном тезисе об органической, естественной принадлежности федерализма к политическим координатам Модерна и интерпретирует его почти как синоним либерально-демократических принципов и практик, как воплощенное политическое благо, способствующее нормативной регуляции мирного и стабильного политического сосуществования разных сегментов культурно дифференцированных обществ.

Особенности федеративного политического устройства ранее уже рассматривались автором, когда был аргументирован тезис, что федерализм представляет собой не совокупность ценностей и норм, определенный дизайн или конфигурацию институциональной основы политической системы, но прежде всего изменчивый политический пакт центральной и региональных элит относительно распределения власти, собственности, контроля территорий, налогов, полномочий и т.д. [Мартьянов 2010]. Ключевой тезис акторного подхода к феномену федерализма состоит в том, что федерализм – политическая форма, производная от конституционно закрепленных отношений политических элит [Riker 1964: 12]. Федерализм как политический договор элит позволяет избежать абсолютизации тех или иных внешних порождающих причин (распад империи, внешняя угроза, культурные расколы, территориально-экономическая неоднородность), приведших к федерализации конкретных обществ, в пользу оценки общей эффективности федеративной политической формы для решения общественных проблем, ради чего она была выбрана среди разных вариантов. В подобной перспективе федерализм перестает быть автономной конфигурацией институтов (независимой переменной), превращаясь в производное отражение более глубоких социальных, культурных, экономических тенденций и взаимодействий субъектов, наблюдающихся в конкретном обществе и фиксируемых в его политических системах управления.

Эта методологическая позиция входит в закономерное противоречие с доминирующей институциональной теорией федерализма, которая ставит в центр внимания производные инструменты (нормы, законодательство и институты), а не конфигурацию политических субъектов, которые ими пользуются для обеспечения своих интересов [Панкевич 2008]. Это неразрешимая дилемма о приоритете политических акторов (субъектов) или структур (институтов), где

автор методологически находится на стороне акторов (коллективных субъектов и элит), а устоявшиеся институты, принципы, нормы федерализма рассматриваются лишь как следствия и результаты их взаимодействия. Поэтому популярная надежда на то, что некая возможная конфигурация федеративных институтов и норм, взятая сама по себе, может предотвратить, снизить или вовсе устранить исходные конфликты и угрозы сепаратизма, представляется опасной иллюзией. Уступки любым группам, находящимся в конфликте с федеральными политическими центрами (особенно в асимметричных этнофедерациях), легитимируют их политические притязания и не мешают им желать большего в дальнейшем, давая скорее временную передышку в развитии сепаратистских сценариев, когда внутренние различия *многонационального концерта наций* неожиданно превращаются во внешние, а региональные культурные дифференциации трансформируются в этнические и национальные.

Развитие этого тезиса приводит к более общей проблеме, которая связана с гипотезой о том, что *федерализм представляет собой специфическую адаптивную политическую форму, которая является лишь собирательным наименованием разнообразных политических систем современных обществ, где центральным политическим элитам не удалось реализовать нормативный для Модерна проект унитарной нации-государства. Соответственно, гипотеза автора статьи состоит в том, что федерализм можно рассмотреть как совокупность разнообразных отклонений от унитарной нации-государства вследствие того, что центральная элита политически полностью не подчинила региональные элиты.* Все прочие производные от этой ситуации страновые кейсы, институты, практики управления, разделение компетенций и суверенитета, а также специфические представления о коллективном политическом благе в условиях федерализма вытекают только из этого обстоятельства.

В этом контексте федерализм – оборотная, или проклятая в терминологии Ж. Бодрийяра, сторона Модерна, указывающая на его внутреннюю ценностно-институциональную противоречивость, не позволяющую реализовать универсальный принцип политического устройства для всех обществ. Федерализм – это чаще всего растянутая во времени процедура политического развода разных культурных общностей внутри одного политического сообщества, в которой всем участникам политического процесса потенциально дан неопределенный срок на добровольное примирение и взаимные уступки. Именно невозможность или несовместимость удовлетворения интересов сторон конфликта и вызывает к жизни федералистскую конфигурацию, часто принимаемую наблюдателями за самостоятельный тип политического устройства современных обществ.

В результате в сравнительно-исторической перспективе федерализм становится собирательным названием для *множества отклонений* от базовой модели современной политической формы, предполагающей консолидирующее и универсализующее движение локальных общностей и идентичностей к единству территории, суверенитета и культуры. Это попытки политико-правового описания и закрепления культурных и региональных различий внутри нации, которые оспаривают доминирующий политический императив Модерна, ценностно ориентированный на гражданскую консолидацию, универсальные ценности и нивелирование значимых культурных различий внутри нации, а в долгосрочной перспективе – человечества в целом.

В подобном контексте ключевой признак федерации состоит в размывании политического суверенитета в виде конфликта центральной и региональных элит по разным основаниям, где федерализм как набор норм, институтов и практик представляет собой лишь временный компромисс. Когда условия компромисса перестают окончательно устраивать одну из сторон, он разрешается другими способами. Исключением из федерализма как неустойчивого компромисса элит является перечень крупных *ответвлений Европы* (США, Канада, Австралия, Мексика, Аргентина, Бразилия), образованных в ходе фонового процесса деколонизации Нового Света от Старого при сохранении культурной однородности европейского ядра элит. Указанные процессы освобождения ситуативно могли иметь формальный характер слияния независимых территорий, однако в настоящее время федерализм, его институты, атрибуты и традиции для *ответвлений Запада* (*western offshoots* [Мэддисон 2012]) – скорее родимое пятно, которое продолжает существовать по инерции в условиях плотной консолидации элит и наций, де-факто более характерной для политических систем унитарных государств.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАКТИК ФЕДЕРАЛИЗМА

У Канта всемирная федерация представляет собой добровольный союз народов (республиканских государств) – международное правовое состояние, необходимое для будущего вечного мира [Кант 1994]. Федерация трактуется как политическая форма международного права, гарантирующая мирный союз и позволяющая преодолеть естественное (природное) состояние между государствами, где каждый представляет угрозу для каждого. Это прямая аналогия перехода от естественного к гражданскому (правовому) состоянию общества посредством образования государства. Федерализм описывается Кантом как желательная в будущем форма всемирного союза государств, но не их собственное внутреннее устройство. Исходная политическая утопия федерализма состояла в том, что, если разумные граждане могут добровольно объединяться в политический союз граждан, именуемый республиканским государством, аналогичным образом и сами государства могут объединяться в добровольный союз, оставаясь суверенными государствами. При этом Кант не предполагал, что члены федерации рано или поздно воспользуются правом выхода из федеративного союза, когда начальные условия, побудившие к союзу, потеряют свое фундаментальное значение. Кант считал, что выгоды подобного союза безусловны и нивелируют любые возможные конфликты и разногласия. Тем не менее позже выяснилось, что реальная практика ситуативного схождения и расхождения политических участников федеративных союзов лишена сакральности и подвержена колебаниям исторической конъюнктуры, что делает даже добровольные союзы государств весьма ненадежными без сильной центральной власти (гегемонии) и иерархического порядка.

После Канта термин “федерализм”, относящийся уже к описанию *внутриполитического устройства общества*, приобрел довольно случайную историческую популярность и вошел в политологический оборот в связи с успехом американских федералистов – политических лидеров североамериканских колоний, боровшихся за независимость от метрополии и консолидацию в единое государство. В настоящее время политическое устройство федераций легитимируется как способ компромиссного сосуществования разных культурных общностей

в составе политической нации по принципу “худой мир лучше доброй ссоры”, т.е. предотвращения или замедления потенциального распада государства в результате политического и территориального самоопределения составляющих его общностей. Однако исходные идеи американского федерализма, изложенные в сборнике “Федералист”, были принципиально противоположны подобным взглядам [Федералист 1993]. Ключевой идеей борцов за независимость североамериканских штатов от Британской империи было создание единого государства, т.е. *федерализация как централизация* правительства, налогов и людских ресурсов отдельных штатов, объединение и консолидация вооруженных сил штатов под общим командованием. Эти идеи были позже реализованы в Конституции США, впервые установившей многие базовые ценностные и институциональные принципы современных политических наций — правового равенства, прав гражданина, избираемости публичных должностей, отмены наследственных привилегий и сословности, республиканизма, разделения властей и т.д.

Подобная логика *федеративной консолидации США, где федерализм* (производный от названия партии федералистов, противостоящей сторонникам конфедерации), был лишь синонимом *представительного правления* (на уровне ценностей, институтов и коллективных практик образующего республику с элитарной демократией, постоянно подтачиваемой олигархией и плутократией), в дальнейшей мировой истории во многом пошла вразрез с последующими контекстами использования термина “федерализм”. В частности, М.В. Ильин отмечает: “Отечественные апологеты ‘симметричного федерализма’ должны были бы признать знаменитых американских федералистов, авторов ‘Федералистских записок’ А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея и их соратников, самыми настоящими ‘унитаристами’, выступающими за сильно централизованное государство, а антифедералистов счесть своими единомышленниками” [Ильин 2003: 158]. Аналогичной позиции придерживаются М. Фили и Э. Рубин, считающие США обществом с давно интегрированной политической культурой и общей идентичностью “американцы”, в контексте которых федерализм скорее относится к рудиментарной политической памяти и мифам основания американской нации, чем к реальным институтам, практикам и механизмам принятия политических решений в настоящем [Feeley, Rubin 2011: 152-153].

В новейшей истории политические кейсы федерализма все чаще стали обозначать не процессы *создания новой нации*, а способы а) *предотвращения* или замедления ее распада, б) фиксации результатов политической сецессии, в) политического оформления *этнокультурных привилегий* меньшинств внутри наций. Федерализм как метод *управления различиями* в большинстве случаев оказывается *невыводимым обещанием*, а федералистские договоренности почти повсеместно — за исключением ответвлений Запада, — *фактически* показывают тот же результат, который федеральный центр получил бы по итогам сецессионных конфликтов и внутренних войн за автономию. Во многом это обусловлено тем, что исторически федерализм как политическое устройство является побочным эффектом более фундаментальной тенденции — долгоиграющего подъема и распада западной колониальной системы, охватывавшей весь мир. В XVIII в. из этой колониальной системы вышла североамериканская федерация, в XIX в. шел долгий процесс политического самоопределения латиноамериканских федераций. Наконец, в XX в. произошло массовое наделение федеративной политической независимостью

азиатских и африканских колоний Европы. При этом федерации как добровольные союзы в виде объединения ранее независимых государств (чаще всего освободившихся колоний) с последующей централизацией власти стали исключениями. Как правило, это вариант территориального слияния бывших колоний европейских стран с преобладанием европейских элит и однородным культурным происхождением (язык, религия, европейская идентичность) с целью обретения суверенитета и *перехода к независимым отношениям с бывшими метрополиями* (США, Канада, Австралия, Аргентина, Бразилия и др.).

Федерации, образованные на американских континентах, оказались более стабильны, так как фактически представляют собой прямые *ответвления Запада* (точнее, Европы, или Старого Света). Причины стабильности достаточно просты: в указанных федерациях политические элиты исторически и культурно близки своим бывшим метрополиям, что позволило закрепить обретенный суверенитет и равный политический формат отношений взаимовыгодными экономическими обменами. И наоборот: африканские колонии, где в процессе освобождения победили местные элиты (коренное население), ставшие *искусственными федерациями*, во многом навязанными извне с *помощью* или даже *под контролем* бывших западных метрополий, являют собой наиболее отсталые и нестабильные государства, охваченные бесконечными гражданскими конфликтами и войнами (Судан, Южный Судан, Эфиопия, Нигерия, Сомали). Относительно органичный, симметричный федерализм в европейских метрополиях и навязанный этнофедерализм в бывших африканских и азиатских (Индия, Пакистан, Ирак, Малайзия) колониях с политическими границами, произвольно созданными колонизаторами, в сравнительной перспективе обнаруживают двойные стандарты в основании их функционирования.

Федерация подобна историческим империям в том, что содержит в своем внутреннем устройстве значимое культурное разнообразие, постоянно продуцирующее альтернативные способы организации социального пространства. Однако в отличие от исторических империй федерация лишена сакральных оснований, связанных со стремлением к божественному социальному порядку или священной властью монарха, паллиативом которой становится изменчивая воля большинства, бесконечно измеряемая с помощью демократических процедур: «Проблема, с которой империи столкнулись в эпоху модерна, — это не проблема ‘неэффективности’, а проблема легитимности. Коль скоро в качестве принципа легитимации власти начиная с 1789 г. утверждается принцип воли народа, или нации, правительства имперских государств оказываются в щекотливом положении... Принцип ‘самоопределения народа’, проинтерпретированный в духе национализма (один народ — одно государство — одна культура), тикает рядом с ними, как бомба замедленного действия» [Малахов 2010: 109].

Именно этот политический национально-гражданский нарратив, получивший широкое распространение благодаря Первой мировой войне и в ходе взаимного подрыва легитимности участвовавших в ней империй через поддержку национальных движений и меньшинств в стане противника, привел к краху Османской, Австро-Венгерской и Российской империй. Во втором раунде, по итогам Второй мировой войны, потеряли легитимность уже метрополии колониальных империй-победителей, прежде всего Великобритания и Франция. Весь последующий период, длящийся по сей день, стал периодом распада государств (Югославии, Чехословакии, СССР, Индии, Судана и т.д.), движимым легитими-

рующим тезисом “много народов — одно государство”. Поскольку все современные государства — территории смешанного проживания многих этносов, более того, мультиэтничным является любой мегаполис, территориальное решение проблемы политического самоопределения путем проведения новых границ становится способом создания и новых разделенных меньшинств, претендующих на политическое самоопределение или воссоединение с большинством.

Федеративная логика политической фиксации меньшинств на основании вариативного реестра признанных значимыми государством культурных различий — религиозных, этнических, языковых, региональных и т.д., — путь ко все новым конфликтам и противоречиям под видом их разрешения. Это генерируемая разными причинами и обстоятельствами невозможность следования базовому либеральному принципу Модерна в виде деполитизации и выноса за публичное политическое пространство предшествующих культурных различий, в которых оформлялось функционирование политических иерархий в феодально-сословных обществах *Ancien Régime*. Сохранение политического значения этих локальных ценностей, отличий и статусов обуславливает невозможность образования гражданской нации в силу ее продолжающейся политической разделенности партикулярными системами ценностей и идентичностей, связанных с откатом от идеологических координат Модерна в виде базового либерального консенсуса (И. Валлерстайн) и его конкретно-исторической политической формы унитарной нации-государства с общегражданской идентичностью. Здесь мы сталкиваемся с ключевым и неразрешимым практически *в общем виде*, но только *в каждом конкретном обществе*, парадоксом политической формы Модерна. Он состоит в том, что модерный принцип инициативного политического самоопределения нации находится в неустранимом противоречии с политической картой мира, полностью заполненной территориями ранее учрежденных государств. А потому любое самоопределение может быть осуществлено только за чужой счет. Очевидно, что в ходе этого бесконечного процесса потенциальные основатели новых наций будут утверждать, что стоящие за ними культурные общности, консолидированные языковыми, религиозными, историческими и иными коллективными идентичностями, имеют право на отдельную нацию, в то время как любые существующие государства будут представлять их как сепаратистов и преступников, угрожающих территориальной целостности сложившегося политического сообщества.

Существует стереотип о культурной ассимиляции меньшинств большинством в унитарном государстве и необходимости *политического выделения* этнических, языковых и конфессионально маркированных в другой пропорции пространств, чем большая часть территории государства, как чуть ли не единственного способа гарантирования культурных прав и сохранения идентичности меньшинств. Однако указанные противоречия не являются значимой политической проблемой в подавляющем большинстве современных государств, поликультурных и мультиэтничных по своему составу, но унитарных по политический форме.¹ Исходные проблемы сосуществования

¹ Актуальное количество государств в мире является условным, так как на политической карте всегда присутствуют непризнанные или частично признанные государства; спорные, неконтролируемые или частично контролируемые территории; группы и движения, претендующие на фактическую и юридическую независимость в составе ранее признанных государств. Если свести подобное многообразие к официальному списку из 193 государств членов ООН, из которых в отношении 27 стран имеется относительно устойчивый консенсус по поводу их федеративного устройства, то федерации составят лишь 14% от общей численности современных государств.

этносов, языков, конфессий и культур лишь усугубляются при умножении количества государств на политической карте мира в результате сецессионных самоопределений по указанным основаниям, образуя все новые территориально разделенные меньшинства.

Таким образом, исторически большинство федераций появилось вследствие распада империй. Федеративными государствами могут стать как бывшие колонии, так и бывшие метрополии. Не лишена убедительности и точка зрения, что федерации могут быть не только продуктом распада монархических империй, но и *скрытыми империями*, замаскированными под современные политики [Каспэ 2005]. Федерация по аналогии с империей позволяет некоторое время сохранять довольно радикальный уровень культурной, этнической, экономической *гетерогенности* входящих в нее народов и территорий. Высокий уровень гетерархии (сосуществование альтернативных источников власти) и гетерогенности политического сообщества на ценностно-институциональном уровне являет собой довольно неустойчивую вариацию преобладающей политической формы в виде унитарной нации-государства, ориентированной на универсализацию, гомогенизацию и выравнивание предшествующих различий в целях создания менее конфликтной публичной сферы и стабильного политического порядка, функционирующего в интересах большинства.

В результате волн деколонизации и распада империй формальное число государств на политической карте мира только в XX в. выросло примерно в четыре раза [Заяц 2001]. Очевидно, что процесс дробления государств не может быть бесконечным. Он закономерно привел к резкому увеличению общей протяженности межгосударственных границ, спорных территорий и разделенных по различным признакам коллективных общностей и меньшинств, мечтающих о воссоединении или собственной государственности, где они, в свою очередь, станут большинством. Представляется, что территориальное дробление государств достигло естественного предела, лишь усугубляя накопленные конфликты и противоречия разных культурных общностей, смешанным образом проживающих на любых территориях планеты Земля.

подавляющее большинство современных государств не имеет военного, политического, а зачастую и экономического суверенитета. Стабильность существования большинства государств обеспечена лояльностью к немногим реальным суверенам, встроенностью в межгосударственные военно-политические союзы и торгово-технологические цепочки на позициях сателлитов. Соответственно, трансформация глобальной капиталистической миросистемы и разрушение поддерживающей ее системы западоцентричных политических союзов достаточно быстро изменяют *лимитрофное (пограничное) окружение* государств-гегемонов. Это обширные страновые периферии (или в иной терминологии – буферные зоны), находящиеся в военно-экономической и технологической зависимости от конкретных глобальных (макрорегиональных) центров силы и являющиеся объектом их конкуренции за ареалы влияния. В контексте федеративной проблематики наличие у стран-лимитрофов внутренних регионов в виде субъектов федерации, потенциально претендующих на статус независимых государств, будет оказывать катализирующее воздействие на процессы дальнейшего распада и децентрализации лимитрофных федераций. Примеры подобных процессов уже имели место в ходе распада военно-политической Организации Варшавского договора и экономического блока, созданного СССР, когда в результате распада

лись федеративные СССР, Югославия и Чехословакия. В ближайшем будущем указанные процессы могут масштабироваться на многие мировые регионы в связи с ослаблением западной гегемонии и ростом альтернативных центров силы, в частности связанных с международным объединением БРИКС. Почти все военные инициативы Запада и попытки переворотов последних десятилетий в лимитрофных зонах окончились полными или относительным военным провалом (Сирия, Афганистан, Венесуэла), децентрализацией или утратой ключевых признаков государственности рядом стран (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия). В российской буферной зоне подобные сценарии *управляемого хаоса* только в последние годы удалось предотвратить в Казахстане и Белоруссии, но не на Украине. Можно наблюдать процессы децентрализации и усиления внутренней конфликтности даже внутри Европейского союза, обладающего признаками мягкой договорной федерации.

ФЕДЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА МОДЕРНОЙ НАЦИИ

Нация-государство как проект исторического развертывания либеральной утопии гражданской нации представляет собой сборку территории, населения и властного аппарата (бюрократии, элит, государства), обладающих неделимым суверенитетом в контексте декларируемого культурно-исторического единства конкретной политической общности. Ключевой политической признак федеративного устройства — наличие у субъекта федерации элементов суверенитета. Диапазон политической автономии может быть весьма широк: от самостоятельности в регулировании отдельных сфер общественной жизни субъекта федерации до наличия собственной конституции. Таким образом, в государстве признается наличие *двойного суверенитета* — центральной власти федеративного государства и ее регионов, — что *противоречит* ключевому признаку современного территориального государства, состоящего в его *едином и неделимом суверенитете*. В силу этого в современной классификации типов политического устройства федерализм все чаще предстает *пустой политической формой* — переходным, децентрализованным состоянием политической системы, связанным с ее неустойчивостью в долгосрочной перспективе.

Федерализму часто приписывают ценность, проистекающую из его интерпретации в качестве эффективного способа достижения компромисса между федеральным центром и разного рода меньшинствами. Представляется, что большей убедительностью обладает прямо противоположный тезис: федерализм чаще является дурным способом политизации этничности, фиксации неразрешимости накопленных конфликтов и претензий, легитимации сомнительных притязаний меньшинств, которые в будущем станут только интенсивнее, будучи признанными, но не разрешенными окончательно. Федерализм — это способ политической институализации, масштабирования и легитимации культурных различий / противоречий / дифференциаций внутри отдельных групп современного общества, позволяющий лишь отсрочить их конфликтные практики, вместо попытки действительного разрешения и деполитизации. Отсюда возникает трагический парадокс федерализма. Созная, что федерализм принципиальным образом не разрешит проблемы, ради которых он инициируется, центральные элиты все же в каждом конкретном случае идут на подобные решения, несмотря на всю возможную тяжесть и необратимость их долгосрочных последствий.

Существуют сильные аргументы в пользу того, что ряд европейских *унитарных государств* (Испания, Италия, Великобритания), которые с 1970-х годов предоставили своим этнокультурным и языковым перифериям дополнительные полномочия и функции в целях расширения их автономии и самоуправления, столкнулись скорее с фоновым усилением сепаратистских настроений и тенденций вместо их предполагаемого нивелирования [Sorens 2010]. Институты, законы и практики, направленные на преодоление этнических, языковых, религиозных, экономических разногласий, легко превратились в способы институциональной и правовой фиксации или замораживания этих разногласий.

Децентрализация, самоуправление, расширение сфер совместного ведения, передача полномочий, расширение автономии представительства отдельных сообществ внутри нации открывают набор инструментов, которые могут способствовать решению взаимоисключающих политических задач, связанных как с попытками регулирования разнообразия, так и с распадом единства нации, легитимизируемым его несовместимостью с указанным разнообразием. *Дилемма признания коллективных прав* состоит в том, что политическое признание «обеспечивает элитам меньшинств личную заинтересованность в сохранении разделенной системы. Признание также означает, что коллективные группы получают институциональные инструменты для укрепления своей внутренней сплоченности, усиливая установку «мы против них» [Erk, Anderson 2010: 2].

В дискурсе мейнстримного *прогрессорства* (попытки одних обществ, как правило западных, навязать в своих интересах определенные ценности, институты, правила игры другим обществам, квалифицируемым как *отсталые*, что подразумевает интеллектуальную и моральную монополию на определение универсальных критериев нормы, блага и прогресса для любого социума) федерализм часто выступает как политическая панацея для неких *неправильных*, конфликтных, *разделенных обществ*, которым априори отказывается в потенциале сознательной политической интеграции и выработки механизмов гражданской нации. Впрочем, за каждой из унитарных наций в историческом анамнезе мы тоже увидим лишь разобщенные племена, сословия и регионы, которые никогда ранее не были вместе и не имели общей политической идентичности, не претендуя стать чем-то большим. Как правило, рецепты федерализации адресуются периферийным и слабым политическим сообществам и/или бывшим колониям, в то время как фактически не менее, а то и более разделенные внутри себя политические нации метрополий странным образом ускользают от действия подобных сомнительных метафор.

Де-факто федеративная политическая форма вне зависимости от особенностей каждой конкретной модели функционирует как внутренне противоречивое политическое устройство, испытывающее серьезные проблемы с консолидацией государственного суверенитета и незавершенностью транзита в сторону либо централизации и унификации политического устройства, либо (гораздо чаще) сценария децентрализации и распада. Это постоянный торг в публичной сфере, бесконечный маятник централизации и децентрализации полномочий и ресурсов, который так или иначе ведет к центробежному распаду государства, когда в силу сочетания разных факторов бывшие договоренности центра и регионов разрываются. Децентрализация усиливается при последовательном ослаблении центральной власти, будь то альтернативная этническая, религиозная, языковая идентичность части населения

или удачная географическая изоляция тех или иных регионов государства от центральной власти, способствующая становлению автономных элит. Таким образом, *федерация – это политическое устройство, имеющее в своей базовой конструкции конституционно и институционально оформленный ген сецессии в руках региональных элит, который может быть легко активизирован разнообразными внутренними и внешними потрясениями.*

За двухсотлетний период существования федеративных государств статистика показывает, что число распавшихся федераций примерно равно числу ныне существующих. В современном мире число федераций ввиду размытости и спорного характера критериев их выделения весьма условно². Некоторым государствам исследователи приписывают федеративный статус, который формально не вытекает из их самоназвания и учреждающих правовых документов, например СССР, Швейцарии, Боснии и Герцеговине и т.д.

Очевидно, что федерация как политическое устройство не может быть стабилизирована исключительно с помощью юридических процедур, описывающих регламенты взаимоотношений федерации и ее субъектов, наборы полномочий, компетенций, процедуры выборов и согласования интересов, разделения предметов ведения центра и субъектов. Правовые акты и протоколы игнорируются, когда возникает реальный раскол относительно признания теми или иными субъектами федерации центральной федеративной власти. Порождающие события федераций ситуативны, они создают на определенное время институциональную инерцию исходного учреждающего момента, которая длится, пока сохраняется первоначальный пакт политических элит, фиксирующий фактическое соотношение ресурсов и возможностей центральной власти и регионов. Этот пакт может быть более сильным при централизации культурно однородных территорий (еще не ставших к моменту объединения отдельными государствами, как североамериканские штаты), что заметно на *ответвлениях Запада*. Он будет изначально конфликтным для федераций, политизирующих этничность и закрепляющих ее в системе территориального политического устройства (СССР, Чехословакия, Югославия, Индия, Пакистан, Эфиопия и т.д.).

В контексте исторической динамики межэлитных взаимодействий *вечная реформа* федерализма идет с разной интенсивностью во всех федеративных государствах. Однако идеальной модели федерализма не существует, как и оптимального соотношения полномочий федерального центра и субъектов федерации. Федерация как политическое устройство представляет собой прежде всего постоянно обновляемую фиксацию итогов межэлитных договоренностей. Соответственно, все присущие федерализму политические логики и правовые особенности являются инструментальными, зависят от конкретных политических решений, а не идеально-нормативных моделей. Одно из заблуждений – постулирование автономии политических и юридических инструментов *компромисса элит*, когда тем или иным элементам федерализма приписывается самоценность. Еще менее убедительны аналогии между федерализацией как децентрализацией власти в государстве и демократизацией [Duchasek 2019: 122–123]. И дело даже не в том, что унитарных демократий на актуальной политической карте мира в разы больше федеративных, но в самой ложности послышки о том, что деконцентрация власти и ее демократизация

² Зайцев В., Козичев Е., Урбан К., Шкуренко О. Все федерации мира. Бывшие федерации. *Коммерсантъ-Власть*, 12.09.2011. <https://www.kommersant.ru/doc/1770387> (accessed 10.06.2023).

синонимичны. Об этом свидетельствует опыт множества распавшихся наций-государств, где путь к переворотам, диктатурам, гражданским войнам и распаду начинался с риторики демократизации, делегирования полномочий, политического самоопределения меньшинств и т.д.

НОВЫЕ КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАНТА ИЛИ РЕФЕОДАЛИЗАЦИЯ?

Ключевой разворотный тренд, который с высокой вероятностью можно будет наблюдать к середине XXI в., состоит в сборке больших политических пространств, что в качестве своего ключевого условия предполагает отказ от бесконечной легитимации процессов политического самоопределения тех или иных общностей в пользу консолидирующей и универсалистской аргументации. Указанный процесс был эффективным способом контроля мира по классическому принципу “разделяй и властвуй”, когда один глобальный центр силы ослаблял своих конкурентов, способствуя их конфликтной федерализации и дроблению на малые государства, не имеющие политической субъектности либо пронизанные внутренними противоречиями. В настоящее время альтернативные центры силы в состоянии реализовать стратегическую повестку, ориентированную на укрупнение политических форм, консолидацию меньшинств, выработку более универсальных систем ценностей и идентичностей, охватывающих конкретные политические макрорегионы, а в идеале адресованные человечеству в целом.

Закономерным выходом из этого ценностно-институционального тупика представляется возвращение к исходному либеральному проекту и классической политической форме Модерна, связанной с созданием больших универсальных гражданских наций, дающих наибольшие возможности наибольшему количеству граждан. В частности, это позволяет в интересах большинства граждан и на основании их общей воли укрупнять и консолидировать политические сообщества, деполитизируя прежние границы и расширяя доступные возможности для большинства, связанные с едиными культурно-языковыми пространствами, горизонтальной и вертикальной мобильностью, повышением безопасности, расширением доступных рынков труда и сбыта, возможностей обучения и т.д. Либеральный проект Модерна опирается на базовое моральное представление о том, что смягчение всех видов предшествующих неравенств и несправедливостей (между богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, мусульманами и христианами, европейцами и азиатами и т.д.) на основании формального равенства прав граждан (каждый из которых является автономным политическим субъектом), будет способствовать размыванию прежних партикулярных границ и иерархий, закрепляющих указанные неравенства. В нациях-государствах элиминируются внутренние границы и основания для конфликтов партикулярных идентичностей, которые деполитизируются и переводятся в область культуры. Такие идентичности могут поддерживать ценность гражданской нации, но не противопоставляться ей в форме, например, выделения из состава нации тех или иных *угнетенных* или *титულных* культурных сообществ, требующих для себя дополнительной политической субъектности. Последняя ведет к подрыву суверенитета политической нации как целого.

В подобном контексте федерализм противоречит проекту Модерна, так как на ценностном уровне вводит презумпцию легитимности самоопреде-

ления части нации на территории совместного проживания более партикулярных и архаичных коллективных идентичностей, исторически консолидированных в нацию. Это процесс распада наций и умножения государств на карте мира, который может быть воистину бесконечным, поскольку нет таких коллективных идентичностей, внутри и параллельно с которыми не существует коллективных идентичностей более мелкого порядка (языкового, религиозного, регионального и т.д.), претендующих на территориальное самоопределение. Поскольку в мире по разным подсчетам существуют тысячи исторических этносов (племен, народностей), сотни языков и религий, то любое современное государство, включая унитарные, содержит многочисленные основания возможных политических разломов и конфликтов. В этом отношении федеративные политические формы отличаются большей внутренней конфликтностью. Однако эти отличия релятивные, а не абсолютные в сравнении с унитарными государствами Модерна. Соответственно, и границы между федерацией и унитарностью как типами государственного устройства более подвижны и условны, о чем говорит в том числе периодическая коррекция учредительных нормативно-правовых актов современных государств.

Федерализм отражает противоречия и издержки, конфликты и неудачи, во многом связанные с абсолютизацией политической утопии либерализма и первоначального опыта США, которые были неизбежно и критически скорректированы в ходе глобального исторического развертывания политического проекта Модерна. Более того, в контексте федералистских практик можно говорить о частичном откате или реинкарнации некоторых принципов политического бытия, связанного с сословно-феодальным или имперским политическим устройством, предполагающим сохранение высокого уровня культурной неоднородности входящих в политическое сообщество этносов, регионов, колоний и т.д. Поэтому федерализм легко обращается в феодализм, который не растерял регулятивного потенциала под институциональной оболочкой Модерна, так как оба отсылают к понятию *foedus* как союза — монархов, сюзеренов и вассалов, городов, государств, что отдаляет их от нормативной современности в виде унитарной нации-государства. Федерализм легитимирует политические нарративы особых подмножеств внутри нации, что является скрытой логикой феодализации — наделения сувереном неких персональных или коллективных вассалов особыми правами, территориями, ресурсами и доходами в обмен за услуги и лояльность.

Механизмы воспроизводства политического порядка в современных центробежных федерациях становится релевантно описывать аналогиями с феодально-сословными взаимоотношениями центральной и региональных элит. В этом они соответствуют идеальному типу федерации как добровольного союза независимых народов и территорий с отказом от предыдущего локального суверенитета. Вновь размывается и граница между феодальным принципом признания за вассалом чести и достоинства, предполагающим право на долю власти и ресурсов, и современным принципом, признающим сходные достоинство, права и обязанности перед государством за гражданином. Следовательно, федерация явно или имплицитно предполагает частичный откат к конструкции суверена (федеральный центр) и его вассалов (субъекты федерации), которые имеют относительную ресурсную автономию на подконтрольных землях, но могут ее потерять, если перестанут признавать превосходство федерального центра (сюзерена, монарха, императора). Таким образом, федерация в современном

мире чаще всего оказывается симптомом внутренне разделенного общества, подверженного центробежным тенденциям, а не решением этой проблемы.

Тем не менее невыполненные обещания федерализма справедливо считать лишь частным случаем более широкого оптимистичного либерально-прогрессистского обещания Модерна-Современности в виде неизбежного движения всех обществ к большим нациям-государствам, ослабляющим предшествующие партикулярные идентичности во имя нового политического триединства территории, культуры и народа. Дальше всех на этом пути зашла социалистическая утопия, увидевшая на относительно близком горизонте времени возможность для консолидации общих политических интересов *рабочего класса*, или *людей труда*, составляющих подавляющее большинство человечества поверх всех существующих границ. Однако практическая реализация либеральной утопии повсеместно оказалась непоследовательной и противоречивой. Она закономерно привела к образованию новых конфликтных групп в современной социальной структуре общества, а также продемонстрировала большой запас прочности ценностно-институционального наследия *Ancien Régime*, которое первоначально было наивно отнесено к преодоленной социальной архаике. Противоречивость реализации базовых принципов классического либерализма, демократии и развертывания капиталистической миросистемы не могла не отразиться и на сложностях реализации нормативной политической формы современных обществ, которая стала вбирать в себя все больше исключений, отклонений и откровенных компромиссов, сплетающихся на уровне конкретных политических режимов в довольно причудливые федеративные ценностно-институциональные симбиозы и практики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существует два условных больших семейства федераций в зависимости от их генезиса в ходе распада домодерных исторических империй. Одна группа федераций возникла в результате масштабирования европейских обществ в Новом Свете путем создания новых западных государств, первоначально развивавшихся как европейские колонии, инкорпорированные в европейские метрополии. Инерционный парадокс восприятия федерализма состоит в том, что в рамках западного мейнстрима на все мировые кейсы федерализма некритично экстраполируется федеративный опыт США, являющийся счастливым исключением из правил, формируемых большинством последующих федераций. Это классическая *ошибка победителя*, или *выжившего* – сценарий, который не может быть воспроизведен большинством федеративных обществ в силу его уникальности. Вторая группа связана с освобождением незападных колоний Запада, где федерализм во многом конструировался в качестве компромисса и способа временного снижения внутренней конфликтности и напряжения, одновременно облегчающего внешнее влияние на слабые и политически расколотые территории.

Первоначально федерализм *ответвлений Запада* следовал в русле классического либерализма, позиционируя американские федерации как первое в истории добровольное и демократическое слияние народных волей независимых государств, в то время как все предшествующие формы политических объединений и присоединений интерпретировались как результаты военных завоеваний или монархических альянсов. Однако последующая история федерализма разрушила этот символ политической веры, показав, что федерации почти всегда являются

продуктом политического распада и/или изменчивого компромисса элит, а не консолидации, оказавшейся первоначальным исключением.

Федерализм стал способом вынужденной коррекции исходной либеральной утопии политической формы Модерна в виде универсальной гражданской нации-государства, когда по тем или иным причинам центральным политическим элитам не удалось создать гомогенные культурные пространства, консолидирующие на уровне приоритетной гражданской идентичности все альтернативные способы коллективной сборки идентичности граждан, связанные с религией, языком или этничностью. Это оборотная процессуальная сторона гражданских наций, которая подрывает ее ценностно-институциональные иерархии, политически признавая и легитимируя культурные исключения, связанные с разобщенностью, внутренней конфликтностью, незавершенностью (или принципиальной незавершаемостью) процессов нациестроительства конкретных обществ.

Соответственно, федерализм становится способом малоэффективного примирения завышенных либеральных ожиданий, связанных с быстрой и легкой консолидацией и гомогенизацией больших политических пространств на принципах *свободы, равенства и братства*, и реальными противоречивыми практиками распределения коллективных возможностей, статусов, уровней политического доступа и общественных ресурсов, осуществляемых с учетом территориальной дифференциации культурно-исторических коллективных общностей.

Федерализм как способ смягчения противоречия между территориальной целостностью и культурной гетерогенностью общества вызывает все больше обоснованных возражений. Обобщение множества исторических примеров позволяет увидеть, что федерализм в долгосрочной перспективе усиливает различия между обособляющимися группами внутри нации и предоставляет разного рода меньшинствам институциональные инструменты для возможного отделения. Федерализм создает возможности для конфликтов между центром и автономными регионами, которые вне логики федерализма могли просто не появиться на политической карте. Вопрос о том, смягчает ли федерализм этнокультурные противоречия внутри политического сообщества или, наоборот, провоцирует их, повышая ставки сепаратистов, как минимум открыт для дискуссии.

Таким образом, федерация не является автономной политической формой, обладающей субстанциональными признаками, равно как и надежным инструментальным способом (причем часто трактуемым как единственно возможный) стабилизации институциональной организации политического порядка в большинстве федеративных кейсов. Чаще всего это провал создания унитарной нации *на пути к и внутри* Модерна, который со временем в силу частотности наблюдаемых отклонений стал претендовать на статус инварианта нормы. Однако в долгосрочной перспективе политическая форма федерации менее устойчива, чем унитарная нация. Она не снимает, а скорее усугубляет накопленные внутри нее культурные противоречия, будучи чревата потенциальной эскалацией разнообразных гражданских конфликтов с высокими перспективами негативной и драматической трансформации. В настоящее время усиление глобальной нестабильности закономерно ведет к запросу на поиск эффективного суверенного централизованного регулирования в области политики и культуры, права и экономики. Это позволяет говорить о достигнутых на политической карте мира пределах насыщения федератив-

ным экспериментированием с вертикально разделенным государственным управлением внутренними территориями и сообществами.

DOI: [10.17976/jpps/2024.03.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.06)

THE GOOD INTENTIONS OF FEDERALISM

V.S. Martianov¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

MARTIANOV, Victor Sergejevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Director, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, email: martianov@instlaw.uran.ru

Martianov, V.S. (2024). The good intentions of federalism. *Polis. Political Studies*, 3, 74-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.06>

Acknowledgments. The article was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-18-00427.

Received: 25.07.2023. Accepted: 21.01.2024

Abstract. The article is devoted to substantiating the controversial thesis that federalism is not an autonomous type of political structure. Federations are interpreted as a set of specific failures of different origins in the course of following the basic modern scenario of the formation of a unitary nation-state with a consolidated (civil) political identity. The article has for theoretical basis the actor approach, which interprets the political form of the federation as a derivative result of a conflict pact between the central and peripheral elites. In this methodological perspective, the history of the concept of federalism is examined and a comparative historical analysis of the world federal experience is carried out. As a result, a number of interrelated author's conclusions were formulated. First, it is shown that the original Kantian project of a world federation of states has little in common with federalism, which refers to the description of the internal structure of individual societies. Secondly, the conclusion is substantiated by the fact that in the modern theory of federalism a harmful mainstream tradition has developed, which scales as a normative successful experience the centralizing federalism in the United States. Thirdly, the cultural and historical features of the formation of two families of federations are highlighted and analyzed, one of which is associated with the acquisition of independence by offshoots of the West, and the other was formed by the later processes of the collapse of the colonial empires of the West and the liberation of colonies in Africa and Eurasia. Fourthly, it is argued that the federal political structure at the theoretical level was intended to reconcile, at the basis of the political project of Modernity, the liberal utopia of a universal and culturally homogeneous civil nation and the actual cultural diversity of any modern states, which is a permanent source of erosion of its political sovereignty and differentiation of collective identities. Fifthly, it is proved that all derived political, legal, economic and other signs of federalism are due to one initial problem – the legitimation and subsequent institutionalization of the conflict between the central elite and regional elites, challenging the indivisibility of political sovereignty and demanding political autonomy. Sixth, federalism as a changeable pact of elites in specific historical societies does not provide convincing grounds for its qualification as an autonomous political form compared to a unitary nation-state. The final conclusion is that the political format of federalism in most states is a long-term way of formalizing the political divorce of cultural communities that could not create a common political nation.

Keywords: federalism, unitarianism, liberalism, nation-state, modernity, elite conflict, cultural differentiation, secession, right of nations to self-determination, instrumentalism.

References

- Amoretti, H.M., & Bermeo, N. (Ed.). (2004). *Federalism and territorial cleavages*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press. <https://doi.org/10.7202/013364ar>
- Beramendi, P. (2007). Federalism. In C. Boix, & S. Stokes (Ed.), *The Oxford Handbook of Comparative Politics* (pp. 752-781). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0031>
- Brancati, D. (2006). Decentralization: fueling the fire or dampening the flames of ethnic conflict and secessionism? *International Organization*, 60(3), 651-685. <https://doi.org/10.1093/10.1017/S002081830606019X>
- Duchacek, I.D. (2019). *The territorial dimension of politics. Within, among and across nations*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429315244>

- Erk, J., & Anderson, L.M. (2010). The paradox of federalism. does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions? In J. Erk, & L.M. Anderson (Ed.), *The Paradox of Federalism. Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions?* (pp. 2-12). New York: Routledge. <https://doi.org/10.1080/13597560902753388>
- Feeley, M., & Rubin, E. (2011). Federalism: political identity and tragic compromise. Ann Arbor: University of Michigan Press. <https://doi.org/10.3998/mpub.4127035>
- Knop, K., Ostry, S., Simeon R., & Swinton K. (Ed.). (1995). Rethinking federalism: citizens, markets, and governments in a changing world. Vancouver: UBC Press.
- Riker, W.H. (1964). Federalism: Origin, operation, significance. New York: Little, Brown and Company.
- Riker, W.H. (1975). Federalism. In F. Greenstein, & N. Polsby (Ed.), *Handbook of Political Science*, V.5 (pp. 93-172). Governmental.
- Riker, W.H. (1969). Six books in search of a subject or does federalism exist and does it matter? *Comparative Politics*, 2(1), 135-146.
- Sorens, J. (2010). The partisan logic of decentralization in Europe. In J. Erk, & L.M. Anderson (Ed.), *The Paradox of Federalism. Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions?* (pp. 62-79). New York: Routledge.
- Piyin, M.V. (2003). Russian choice: made, postponed, cancelled? *Polis. Political Studies*, 2, 157-163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.13>
- Kant, I. (1994). Zum ewigen Frieden. (Russ. ed.: Kant, I. K vechnomu miru. In Kant, I. *Sochineniya v 8 t.*, T. 7 (pp. 5-56). Moscow: CHORO).
- Kaspe, S.I. (2005). Empire substitute: on the nature and origin of the federative political form. *Polis. Political Studies*, 4, 5-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.02>
- Maddison, A. (2012). Contours of the world economy, 1-2030AD. Essays in macro-economic history. (Russ. ed.: Kontury mirovoi ekonomiki v 1-2030 gg. Oчерки po makroekonomicheskoi istorii. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute).
- Malakhov, V.S. (2010). Will national culture survive globalization? *Philosophical Journal*, 1, 107-118. (In Russ.)
- Martyanov, V.S. (2010). Federalism: political structure or a pact between elites? *Polis. Political Studies*, 1, 173-183. (In Russ.)
- Pankevich, N.V. (2008). Modeli federativnogo ustroystva: zakonmernosti politicheskoi transformatsii [Models of the federal system: patterns of political transformation]. Ekaterinburg: UB RAS. (In Russ.)
- The Federalist Papers. (1993). (Russ. ed.: Federalist. Politicheskies esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya. Moscow: Progress – Litera).
- Zhayats, D.V. (2001). The political map of the world: what has changed in 100 years. *Geography*, 17, 5-25. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Заяц Д.В. 2001. Политическая карта мира: что изменилось за 100 лет. *География*. № 17. С. 5-25.
- Ильин М.В. 2003. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 157-163. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.02.13>. EDN: ESCWXD.
- Кант И. 1994. К вечному миру. *Сочинения в 8 т. Т. 7*. М.: ЧОРО. С. 5-56.
- Каспэ С.И. 2005. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 5-29. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.02>. EDN: HSOFBT.
- Малахов В.С. 2010. Культурные различия и политические границы: национальный, локальный и глобальный контекст. *Философский журнал*. № 1. С. 107-118. EDN: NBPVKT.
- Мартьянов В.С. 2010. Федерализм: политическое устройство или пакт элит? *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 173-183. EDN: KXOTIZ.
- Мэддисон Э. 2012. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство Института Гайдара.
- Панкевич Н.В. 2008. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург: УрО РАН. EDN: SCSBIIH.
- Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэддисона и Дж. Джея. 1993. М.: “Прогресс” – “Литера”.